

Алиса Гордеева

Филфак

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г68

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Гордеева, Алиса.

Г68 Филфак: [роман] / Алиса Гордеева. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 352 с. — (Живи легко).

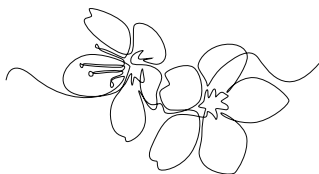
ISBN 978-5-17-158075-9

Он избалованный жизнью мажор. Она обычная студентка филфака. Он вернулся из Лондона буквально на день, чтобы поздравить брата и любимую девушку со свадьбой. Она нашла его без сознания и не смогла пройти мимо. Уже завтра он ничего не вспомнит, а она не сумеет забыть...

Он ворвался в ее жизнь с первыми каплями дождя. Станный, потерянный и всеми забытый. Ей бы пройти мимо, но что-то в его грустной улыбке заставило ее задержаться.

ISBN 978-5-17-158075-9

© Сапегина А., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1. Ночная бабочка

Фил

— Горько! Горько!

— Раз! Два! Три!..

Бросаю последний взгляд на молодых и ухажу. Хватит! Я не рассчитал своих сил, приехав на свадьбу Яна. Наивно полагал, что все прошло! Надеялся, что отпустило!

Полгода на туманном Альбионе пытался забыть, выкинуть из головы ту, что сегодня, не задумываясь, ответила «да» моему брату.

Новый универ, безбашенные друзья, квартира с видом на Темзу, самые вкусные девочки под боком — казалось бы, живи да радуйся! Вот только сердце до сих пор тоскливо щемит, когда вижу на безымянном пальчике Даянки обручальное кольцо, а в глазах любовь — неземную, необъятную, несокрушимую и, увы, не ко мне.

Не в силах отойти друг от друга даже на метр, новобрачные трепетно держатся за руки и не видят никого вокруг. Окрыленные, до беспамятства

влюбленные, они выгрызли у судьбы свое право на счастье и этот день заслужили, как никто другой. А мне пора. Здесь, среди шумных гостей и беспрестанных «Горько!», я третий лишний.

Ухожу по-английски, пока молодые продолжают утопать в сладости своих поцелуев. Шаги — как в тумане, в голове — пустота. Полной грудью вдыхаю вечерний августовский воздух, пропитанный дождем и моей печалью, а затем ныряю в салон арендованного спорткара, брошенного на ближайшей парковке у входа в ресторан. Как знал, что не задержусь!

Сжимаю в ладони мобильный и никак не подбираю нужных слов для Шаха — так, чтобы вышло кратко и без обид. Знаю, что брат скучал, да и Даяна тоже, но сейчас видеть их — выше моих сил. Потому наспех пишу, что улетаю обратно ближайшим рейсом, а еще прошу дать мне месяц тишины. Шахов поймет, не дурак!

Завожу мотор и впервые даю на газ до упора. Сегодня мне нужна скорость! Долбаный адреналин! Я хочу забыться, я обязан выбросить из памяти ту, которая никогда уже не станет моей! Но ни черта не выходит...

Сотни километров незаметно остаются позади. Серая трасса, безымянные поселки, небольшие города... Но сколько бы я ни пытался от себя убежать, в голове все тот же винегрет из обрывков воспоминаний, разодранных в клочья чувств

и образа моей Даянки. Нет, теперь уже точно не моей...

Не замечаю скорости и пролетающих по встречке авто. Не обращаю внимания на мобильник, валяющийся на пассажирском сиденье и робко сигнализирующий о входящем звонке. Никогда бы не подумал, что чужое счастье может такой болью отзываться в груди.

И все же я торможу.

Дурацкий спорткар жрет слишком много горючего, вынуждая меня остановиться на первой попавшейся заправке. Пока топливо медленно заполняет бак, лениво разминаю шею и осматриваюсь. Ничего особенного: грязь, дрожащий свет покосившихся от времени фонарей да пара не самых новых представителей отечественного автопрома на обочине. Черное небо усыпано звездами, а воздух наполнен ароматами трав и стрекотанием кузнечиков. Похоже, занесло меня в самую что ни на есть глухомань!

— Простите! — раздается за спиной тонкий девичий голосок.

Возвращаю на место заправочный пистолет и нехотя оборачиваюсь. Чуть поодаль замечаю невысокую милovidную брюнетку в короткой юбочке и завязанной на талии фланелевой рубашке. Девушка неловко переступает с ноги на ногу и закусывает губки — по всему видно, что волнуется.

ся. Еще бы, одна посреди ночи, да в таком откровенном прикиде!

— Слушаю? — киваю незнакомке, а сам не могу отвести от нее взгляда: выразительные глаза вкупе с тонкими чертами лица и копной каштановых волос снова и снова с головой окунают меня в воспоминания о Даяне. Девчонка напротив — ее неудачная копия, дешевая подделка.

— Вы мне не поможете? — Девушка несмело подходит ближе, накручивая на пальчик прядь шелковистых волос. — У меня что-то стучит.

— Где?

Автомеханик из меня никудышный, но бросить в беде одинокую даму как-то совсем не по-мужски.

— Под капотом, — выдыхает девушка, аппетитно сложив губки бантиком. — Не посмотрите?

Мне бы задуматься, что делает полураздетая барышня ночью на забытой богом заправке, да только мозги лужицей растеклись под ногами, уступив место инстинктам.

Как зомби иду за ней следом к ржавой развалюхе — ровеснице моего деда — и со знанием дела лезу под капот. Что там может стучать? Все! Здесь намного уместней вопрос: как «это» вообще заводится?

— Это машина отца, — поясняет незнакомка. — Думала, что немного покатаюсь, пока папа спит, и незаметно верну тачку, а оно вот как все

обернулось. Заехала к черту на кулички, продрогла и не знаю, как теперь вернуться домой. Стою здесь, будто ночная бабочка, без денег и телефона. Как хорошо, что судьба столкнула меня с вами!

— Саша, — зачем-то представляюсь я и, оторвавшись от созерцания замасленного двигателя, снова смотрю на девчонку. Сколько ей? Восемнадцать? Двадцать пять? Под слоем косметики с ходу и не разберешь. Где-то на подкорке сознания мелькает мысль, что для примерной дочери она слишком ярко и вызывающе накрашена, да и одета тоже, но, вновь улавливая в ее внешности дорогие черты, гоню подозрения прочь.

— Виолетта, — расплывается в улыбке незнакомка, обнажая два ряда идеально ровных белоснежных зубов, которые, к слову, звонко отбивают чечетку от холода. Уже через несколько дней — осень, и ночи давно не согревают теплом.

— Замерзла?

— Очень, — робко опустив взгляд, признается копия Даяны, обхватив себя за плечи. — Ну что там с машиной? Починить сможете?

— Виолетта, я не силен в ремонте авто, — отвечаю честно и развожу руками. — Предлагаю позвонить отцу и во всем сознаться.

— Да это и так понятно, — стреляет изумрудами глаз девица, продолжая неистово дрожать. — Я уже пыталась. Забегала погреться на заправку и просила дать мне позвонить. Только, видимо,

мобильный у отца разрядился, или папа так крепко спит, что ничего не слышит. Наверное, придет мне здесь умереть от холода и страха.

Потираю переносицу и ухмыляюсь. Вот хитрюга! Знает, как надавить на жалость!

— Далеко отсюда твой дом? — Малодушно уехать, бросив ее здесь одну на растерзание волкам и лихим дальнобойщикам, не позволяет совесть. — А то давай подброшу?

— Километров пять-шесть, — пожимает плечами Виолетта, сильнее ежась от холода. — В Заречном.

— Поехали! — киваю ей и неспешно направляюсь обратно к спорткару.

— Александр, постойте! — пищит она и бежит следом. — Мне безумно неловко, но, если вы сможете купить чашку чая или кофе, чтобы я могла согреться, буду признательна.

— Ладно, пошли! — угрюмо хмыкаю и сворачиваю в сторону от своей тачки.

Небольшая забегаловка с громким названием «Кофейня от шефа» не внушает доверия. Грязная, неопрятная, насквозь пропитанная запахами горелого масла и хлорки, она откровенно намекает, что посетителям здесь не особо рады. И все же мы с Виолеттой занимаем единственный столик у окна и, брезгливо озираясь, ждем, когда на нас обратят внимание.

— Что вам? — Спустя, наверное, вечность возле прилавка с заветренной выпечкой появляется дама дородной внешности в засаленном переднике.

— Два американо! — спешит с ответом Виолетта, а я не спорю, хоть и не собираюсь в этом месте ничего пить и есть.

Пока мы ожидаем заказ, моя новая знакомая потирает ладони в попытках согреться и без умолку трещит. Ей интересно все: кто я, откуда и куда еду, чем занимаюсь и почему путешествую один. Немного осмелев, она начинает откровенно заигрывать со мной, наивно рассчитывая на что-то большее, чем просто кофе.

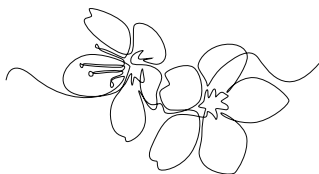
В мерцании люминесцентных ламп мне удастся рассмотреть Виолетту чуть лучше: дешевая косметика, морщинки в уголках пустых глаз, пошлые ужимки. На смену запуганной девчонке, заблудившейся в темноте, неожиданно приходит ушлая, прожженная девица, готовая на все ради наживы. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: Виолетта на работе, а я — ее лопухий клиент.

Погруженный в свои мысли, не сразу замечаю, как на столе появляются одноразовые стаканчики с кофе — вонючим, дешевым и до жути горячим. Но Виолетту сей факт ни капли не смущает. Прильнув носом к исходящему от напитка пару, она жадно вдыхает кислый кофейный аро-

мат и благодарно улыбается, а после вожделенно проводит острым каблучком вдоль моей ноги под столом.

От неожиданности вскакиваю и под глупым предложением отправляюсь на поиски уборной: как бы сильно Виолетта внешне ни походила на Даяну, я не настолько пал, чтобы искать утешения в объятиях продажной девки. Стоит ли говорить, что санузел в этом месте смахивает на убежище бомжей? Так и не отважившись в него зайти, я возвращаюсь к нашему столику и, дабы перебить туалетное амбре, залпом выпиваю американо, гадкий, приторно-сладкий, с отвратительным послевкусием. Виолетта довольно улыбается и зазывно проводит кончиком языка по губам. Черт, во что я вляпался? Долбаный добряк! Хватаю со стола ключи от тачки и, сославшись на неожиданно возникшие дела, спешу на улицу. Но, увы, так и не успеваю дойти до спорткара: невыносимая тошнота, внезапно подобравшаяся к горлу, сменяется диким ознобом и жгучей болью в животе. Все вокруг летит и кружится, а ноги, будто ватные, предательски подгибаются под весом тела. В ужасе пытаюсь позвать на помощь, но совершенно не слышу своего голоса, а после и вовсе проваливаюсь в непроглядную темноту, лишённую звуков, запахов и разрушающих мыслей о свадьбе брата.

Глава 2. Пирожки

Аня

— Анька, негодница!

Тишину предрасветного часа нарушают недовольный голос бабы Маши и жалобный скрип половиц, разбавляемый шарканьем тапочек.

— Снова убегаешь ни свет ни заря? — продолжает ворчать старушка, размеренными шагами подходя все ближе. — И опять, небось, не позавтракала? Да?

— Ба, ну какой завтрак?! До рассвета считанные минуты! — Застигнутая врасплох, бросаю у порога рюкзак и разочарованно плетусь обратно: попытка улизнуть из дома незамеченной в очередной раз провалилась. Неужели бабушка не понимает, что мои деревенские каникулы на исходе? Когда, как не сейчас, наплевав на утреннюю дрему, сломя голову нестись босиком по сырой траве навстречу новому дню? Первые лучи солнца, осязаемыми нитями пронизывающие все вокруг, таинственные туманы, бусинки росы на прозрачной паути-

не — в мире нет ничего прекрасней зарождающегося утра!

— Сумасбродная девчонка! И что тебе не спит-ся?! — причитает бабуля, деловито качая головой. Пряди ее длинных седых волос слегка выбились из косы, а наспех накинутый поверх ночной сорочки халат практически волочится по дощатому полу. Это я в свои двадцать еще расту ввысь, а бабуля, давно разменяв седьмой десяток, с каждым днем становится все миниатюрнее.

— Хорошая моя! — Беру морщинистые, но такие нежные, теплые ладони старушки в свои и, слегка сжав их, не могу сдержать эмоции:

— Ба, ты же знаешь, как я люблю рассветы! Каждое утро по-своему прекрасно, каждый восход солнца неповторим! Разве могу я преспокойно дрыхнуть, когда за окном такая красота?!

— Красота! — сварливо повторяет баба Маша. — Отцу рассказывай про сию красоту! А я-то уж поди знаю, куда, а точнее, к кому тебя так срывает по утрам.

— Ба! — Обнимаю родненьку за плечи и крепко целую в щеку.

— Ну что «ба»? — Бабушкино сердечко постепенно отгаивает. — Я же не ругаюсь, Нюра. Понимаю, что возраст у тебя такой бестолковый, когда шило в одном месте так и зудит! Только вот ты мне, старой, скажи: нужна ли своему Артурчику будешь хилая да больная?

— Нормально со мной все, бабуль!

— А ты еще пару недель на пустой желудок да невыспавшаяся-то поубегай из дома, так, глядишь, и свалишься где в голодный обморок, типун мне на язык! — Бабушка взмахивает руками и медленно бредет на кухню. — Съешь хоть пирожок, Нюр! Для тебя ж вчера весь вечер пекла. Да и богатырю своему возьми — угостишь.

— А с чем пирожки? С луком? — Отказаться от бабушкиной выпечки может разве что идиот, ну, или язвенник какой, а я напрочь забываю об идеальной фигуре, стоит чарующему аромату сдобы коснуться носа.

— Да прямо «с луком»! — хитро улыбается бабуля и аккуратно стягивает белоснежную ткань с огромной горы румяных пирожков. — Можно подумать, я молодой не была — не знаю, что милоститься с красавчиком своим будешь? С рисом и яйцом напекла. Давай за стол, дочка!

— Ладно, твоя взяла! — Достаяю с полки две кружки, а из холодильника — молоко. Завтрак, так завтрак!

Во двор я выбегаю с третьими петухами. Выкатив из сарая старый дедушкин «Урал», закидываю за плечи рюкзак, доверху набитый бабушкиными пирожками, и, поправив бейсболку, что есть мочи несусь по проселочной дороге. Солнце масляным блином уже всюю красуется у линии горизонта, а уставший меня ждать Артур — у повалившегося

забора на окраине Заречного. Засунув руки в карманы спортивных штанов, он делает вид, что увлечен созерцанием плывущих вдалеке сизых туч, а меня совершенно не замечает. Дуется! Точно!

Бросив свою развалюху рядом с навороченным спортивным велосипедом, подбегаю ближе к парню и кончиками пальцев скольжу по его немного колючей щеке.

— Привет! — шепчу тихо и оставляю на обиженно надутых губах легкий поцелуй. — Давно ждешь?

Царев с шумом выдыхает: делать и дальше вид, что меня рядом нет, глупо.

— Что на этот раз, Ань? — Словно нехотя он притягивает меня в объятия, продолжая изображать из себя оскорбленного. — Опять дед на рыбалку утащил? Или свинья опоросилась? А? А может, я банально тебе надоел? Признайся уже!

— Дурак ты, Артурчик! — Утыкаюсь кончиком носа в нежную впадинку на его шее. — Просто бабуля пирожков напекла и не отпустила из дома, пока я не поем.

— Пирожков? — морщит нос Артур. Ну конечно, лучший студент спортфака и ярый приверженец здорового питания, Царев такую ерунду не ест. — Это ж сплошные углеводы, Ань! Сколько тебе повторять?!

— Не бери в голову. — Отхожу от него на шаг назад, чтобы аромат выпечки ненароком не про-

сочился из рюкзака к его носу: только часовой лекции о вреде пирожков мне не хватало. — Поехали к реке?

Артур кивает и, взяв меня за руку, тащит к брошенным великам.

— Все лето на этой ржавой колымаге прокаталась! — брезгливо бурчит Царев, поднимая с земли мой «Урал». — Прошлый век, честное слово! Почему не попросишь отца привезти тебе нормальный велик?

— У папы дела, — оправдываюсь, пожимая плечами. — Да и через неделю уже в город возвращаться — какой смысл?

— Глупая ты, Анька! — усмехается Артур. Он, как и я, понимает, какие дела у моего отца в городе, но деликатно молчит. — Ладно! Давай наперегонки до моста?

— Давай, — соглашаюсь, заведомо принимая поражение: дедушкин «Урал» для спринтерских заездов не годится точно.

Впрочем, Артуру все равно. Оседлав своего железного коня, он уже через пару минут исчезает из поля зрения, оставляя меня наслаждаться пением птиц и нежностью солнечных лучей в одиночестве.

С Артуром Царевым мы знакомы с детства. Наши отцы росли по соседству в этом самом поселке. Внешне похожие, как братья, они и в жизни были неразлейвода: сидели вместе за партой,